

С. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ СПАСО-КАМЕННОГО МОНАСТЫРЯ (XV-XVI века)

Один из самых известных русских исследователей и реставраторов памятников архитектуры Сергей Сергеевич Подъяпольский (1928-2002) был первым, кто обратился к подробнейшему научному анализу архитектуры Спасо-Каменного монастыря. Им проделана огромная и кропотливая работа по воссозданию облика островной обители. Он не раз бывал на Кубенском озере, проводил исследования руин монастыря, вплоть до последних дней интересовался и помогал работам по его восстановлению. Благодаря таким ученым-подвижникам мы имеем возможность представлять воочию, каким был когда-то красавец-монастырь, выраставший из бурных вод озера.

Особо пристальное внимание С.С. Подъяпольский уделял архитектуре Белозерья XV-XVI вв., ставшей основой его диссертации на соискание степени кандидата архитектуры. Он немало путешествовал с научными целями по Русскому Северу. В 1950-1970-х гг. его важнейшим объектом исследования, проектных и практических восстановительных работ был ансамбль Кирилло-Белозерского монастыря. В возрождение этого монастыря Сергей Сергеевич вложил особенно много труда.

После его кончины в Москве в 2006 году вышли его «Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы», в которые включены его работы по древней архитектуре Вологодской земли.

Статья «Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (XV-XVI века)» была опубликована в книге «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV-XVI вв.» (М., 1970). В ней впервые был поставлен вопрос о возможности восстановления монастыря (в частности, Спасо-Преображенского собора - первого каменного здания на Русском Севере), проведена реконструкция его строений, общего вида обители в XVI веке.

Данная работа С.С. Подъяпольского сыграла большую роль в привлечение широкого внимания к выдающемуся памятнику древнерусской архитектуры.

Древние сооружения Спасо-Каменного монастыря, несмотря на свой большой художественный интерес, до

сих пор не освещены в литературе по истории русского зодчества. Имеющиеся в отдельных трудах беглые упоминания

нения совершенно не позволяют судить об их первоначальной архитектуре. Между тем картина развития зодчества северо-восточной окраины Московского государства в XV-XVI веках без этих памятников выглядит далеко не полной.

Спасо-Каменный монастырь - один из древнейших на Севере. Он основан белозерским князем Глебом Васильковичем предположительно около 1260 года¹. Монастырь расположен на небольшом острове Кубенского озера, находящемся у восточного его берега, недалеко от впадения в озеро реки Кубены.

До 1930-х годов в монастыре существовали две древние каменные постройки - Спасо-Преображенский собор и трапезная палата с церковью Успения.

Собор был возведен в 1481 году на вклад брата Ивана III удельного князя Андрея Васильевича Меньшого, владевшего Вологодой, Кубеной и Заозерьем². Это было первое каменное сооружение всего Северного края. В пожар 1657 года храм сильно пострадал и вскоре после этого перестраивался³. Действительно, большие переделки, относящиеся ко второй половине XVII века, хорошо видны на сохранившихся фотографиях здания⁴.

¹ Н.И. Суворов. Описание Спасо-Каменного, что на Кубенском озере, монастыря. Изд. 2. Вологда, 1893, стр. 3, 44-45.

² А.А. Засецкий. Исторические и топографические известия по древности России и частично о городе Вологде и его уезде. Изд. 2. М., 1782, стр. 36.

³ Н.И. Суворов. Указ. соч., стр. 13-14.

⁴ Такие фотографии имеются в фондах Научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева и Вологодского областного краеведческого музея.

К этому времени следует отнести галереи, карнизы четверика собора, закомары, четыре малых барабана.

В 1920-х годах собор был обследован В.А. Богусевичем. В делах разряда древнерусского зодчества ГАИМК хранятся тезисы его доклада об этом памятнике, прочитанного 26 апреля 1928 года⁵, а также схематические чертежи здания - поэтажные планы и разрезы⁶. Материалом для настоящего сообщения послужило также обследование руин собора, произведенное нами летом 1965 года.

Чертежи и фотографии дают ясное представление о соборе. Это - четырехстолпный трехабсидный крестовокупольный храм с повышенными подпружными арками, поставленный на невысоком, перекрытом сводами подклете. Очертание подпружных арок не полуциркульное, а приближается к стрельчатой кривой со скругленной вершиной.

Краткое описание памятника в тезисах доклада В.А. Богусевича в основном совпадает с его графическими изображениями. Весьма существенны некоторые, приводимые им дополнительные сведения: о следах первоначального малого барабана над юго-восточным углом четверика, об остатках вертикальных тяг-жгутов на абсидах, о наличии бусин у западного и южного порталов и отсутствии их у северного, о существовании архивольты (видимо, арочной бровки) над входом в подцерковье. Заслуживает

⁵ Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, ф. 2, 1928 г., д. 34, л. 52-53.

⁶ Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, разряд 1, д. 294.

внимания и высказанное Богусевичем предположение о существовании у собора второго яруса кокошников. Обследование руин собора дало некоторый дополнительный материал для суждения о его первоначальной архитектуре. На поверхности холма, образованного завалами разрушенного здания, лежат большие фрагменты алтарных абсид и стен четверика с остатками западного и северного порталов, а также несколько обломков завершения центрального барабана. Кроме того, на значительную высоту сохранился один из столбов четверика. Весьма вероятно, что разборка завалов открыла бы значительные остатки нижних частей памятника; в этом случае может быть поставлен вопрос о полном его восстановлении.

Стены здания сложены из кирпича размером 5 (5,5) x 16 (15,5-17) x 27 (26-28) см. Соотношение размеров по ложку и по тычку составляет в среднем 1:1,7. Такой кирпич занимает промежуточное положение между применявшейся в домонгольском зодчестве плинфой и брусчатым кирпичом с соотношением сторон 1:2, нашедшим на Руси всеобщее употребление с конца XV столетия. В кладке стен собора уже отсутствует крестовая перевязь: ряды, выложенные по фасаду одними тычками, чередуются с ложковыми

рядами. Это роднит кладку со строительной техникой домонгольских плинфовых сооружений. Толщина горизонтальных швов 1,5-2 см, как обычно в кладке XV-XVII веков. Раствор известковый, заполнителем служат речной песок и мелкая галька.

Наряду с кирпичом названного размера для отдельных деталей (лопатки, вертикальные тяги абсид, цоколь) применены специально отформованные кирпичи, имеющие ширину по ложку около 10,5 см. Некоторые из них имеют с фасадной стороны профиль вала. Тесаный кирпич в убранстве фасадов не встречается. У оконных откосов стесанные на угол кирпичи положены через 3-4 ряда; в остальных рядах к углу примыкают обычные прямоугольные кирпичи, а тупой угол образуется за счет подмазки раствора. Применение кирпичей специальной формовки и почти полное отсутствие тески также связаны с традициями домонгольской плинфовой кладки.

Своеобразен цоколь собора из двух рядов рельефных керамических плит, зажатых между тремя полосами выступающих валиков. Размер плит по фасаду 19,5 x 31 см, при толщине 5,5 см. Рисунок - чередующиеся пальметки двух типов - обычный для подобных деталей, повторяющий один из

мотивов белокаменных орнаментальных поясов раннемосковских храмов. Каждая плита захватывает двойной раппорт орнамента.

Лопатки стен выполнены в виде пучковых тяг - два прямоугольных уступа с обеих сторон и выступающий посередине валик. Судя по фотографиям, завершения лопаток были переделаны при перестройке верха собора в XVII веке. Реконструировать первоначальное венчание лопаток позволяет древняя деталь, найденная рядом с развалинами собора. Это обломок белокаменного карниза, имеющего профиль гуська, сильно выступающего в выпуклой части и западающего в вогнутой. Именно такой профиль имеют верхние части капителей у памятников раннемосковского зодчества, а также у некоторых сооружений второй половины XV века (Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря). Профиль раскрепован: ширина раскреповки по фронту и вынос одинаковы - 9,5 см. Эта деталь, безусловно, относящаяся к концу XV века, не находит себе на памятнике другого места, кроме венчания лопаток. Предположение о ее принадлежности порталу отпадает, так как ширина вертикальных тяг портала по фронту значительно больше, около 15 см. Можно предположить, что белокаменные капители имели и нижнюю часть, обычную для памятников московского круга XV столетия, - выкружку. Тем более, что такая выкружка применена и у самого Спасского собора в капителях порталов.

Вертикальные тяги абсид также завершались белокаменными капительками. К сожалению, их профиль

неизвестен, так как хвостовые части капителей, заделанные в кладку, имеют неправильную форму. Над капителями нет ни продолжения тяг, ни объединяющей их аркатуры. Несколько выше без всякой связи с вертикальными тягами шел венчающий абсиды пояс. Он состоял из выступающего валика, ряда орнаментальных плит, аналогичных плитам цоколя, и крестообразных впадин над ними с вставленными внутрь балясинами. Более сложный пояс охватывал стены по верху четверика. Он состоял из таких же впадин с балясинами, двух рядов орнаментальных плит и поребрика. Выше поребрика стены были полностью переложены в середине XVII века. Сопоставление высоты пояса с уровнем сводов приводит к выводу, что его верх довольно точно соответствовал пятам первоначальных закомар.

Порталы собора были из белого камня. По своему общему характеру они довольно традиционны для московского зодчества XV века - чередующиеся прямоугольные и круглые вертикальные тяги с капителями и с бусинами на круглых тягах⁷, завершенные архивольтами с килевидными подвышениями. Необычно лишь заглабление внешней тяги обрамления против плоскости стены. Сохранившиеся части северного и западного порталов показывают, что капители порталов кроме выкружки состояли из еще одного, позднее сбитого

⁷ На фото северного портала на середине высоты круглых тяг видны неровности, позволяющие предположить, что и этот портал мог первоначально иметь бусины, которые впоследствии были стесаны.

профиля⁸. Аналогии не только в самом Спасском соборе, но и в других памятниках XV века позволяют реконструировать этот профиль как гусек. Полукруглые скосы над капителями, о которых говорит Богусевич, в действительности появились в результате позднейшей стески древних архивольтов.

Малый барабан, венчавший расположенный на месте дьяконника придел Петра Митрополита, был сломан еще при перестройке храма в XVII веке. Вероятно, он был невелик, так как, по свидетельству Богусевича, его поддерживали дополнительные арочки, делавшие внутренний диаметр барабана меньше, чем ширина южного нефа.

На сохранившихся фотографиях большой барабан сильно поднят вверх по отношению к закомарам и к прилегающим сводам. Можно даже рассмотреть очень важную деталь - надкладку над подпружными арками, образующую нечто вроде широкого квадратного постамента. У соборов Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей подобная же надкладка служит основанием одному из дополнительных рядов кокошников, обходящих по четверику центральный барабан. Высокая посадка барабана Спасского собора позволяет предполагать сложную систему завершения несколькими ярусами кокошников, быть может, аналогичную завершению собора Ферапонтова монастыря.

Весьма своеобразны окна барабана

⁸ Вероятно, именно этот стесанный профиль получил в описании В.А. Богусевича название «прокладной плиты».

с уступчатым, «городчатым» завершением, утопленные в глубоких арочных впадинах. Барабан завершается двумя рядами бегунца, над которыми - два ряда орнаментальных плит, разделенных крестообразными впадинами с балясинами. Расположенный выше карниз относится уже к XVII столетию.

Окружавшие собор двухъярусные галереи, как хорошо видно на фотографиях, полностью сложены из большегомерного кирпича в формах XVII века. Каких-либо остатков древних галерей не обнаружил и Богусевич. Можно полагать, что основной объем собора не имел первоначально каких-либо пристроек, кроме входных деревянных крылец, как не имели их собор Ферапонтова монастыря⁹ и церковь Ризположения в Московском Кремле¹⁰.

Сопоставление чертежей и описания, выполненных Богусевичем, старых фотографий и дополнительных натуральных наблюдений позволяет, таким образом, представить в общих чертах древний облик собора Спасо-Каменного монастыря. Более полная реконструкция требует проведения раскопок и тщательного обмера руин древнего памятника. Однако уже на данном этапе можно сделать некоторые выводы относительно места собора в истории русского зодчества.

Архитектура среднерусских земель

⁹ П.П. Покрышкин и К.К. Романов. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. - «Известия Археологической комиссии». СПб., 1908, вып. 28, стр. 124.

¹⁰ Существующие паперти и крыльцо Ризположенской церкви поздние. На рисунке из «Книги избрания на царство» с южной стороны у церкви показано деревянное крыльцо.

Спасо-Каменный монастырь.

Вид с юга. Фото 20-х годов XX века

в настоящее время относительно хорошо представлена московскими постройками конца XIV и первой четверти XV столетия. В несколько меньшей степени изучены остатки сооружений того же времени в Твери, Нижнем Новгороде и некоторых других городах¹¹. Феодалная война за московское княжение прервала развитие каменного зодчества. Только в 50-х и 60-х годах XV века летописи вновь отмечают появление значительного количества каменных сооружений. Новым для этого периода является возведение наряду с белокаменными и кирпичными зданиями. Так, в 1450 году Вла-

димиром Ховриным была поставлена перед его двором кирпичная церковь Воздвижения¹². К 1458 году относится строительство кирпичной Введенской церкви на Симоновском подворье¹³. Однако все каменные здания, возведенные в 50-х и 60-х годах XV столетия, перестали существовать уже в давнее время, и мы не располагаем никакими надежными сведениями об их архитектуре.

Косвенным источником для суждения о развитии московского зодчества середины XV века могут служить сохранившиеся более поздние постройки, повторяющие в какой-то мере эти утраченные образцы. Однако и таких сооружений немного. В Москве и Подмосковье это в основном храмы, сооруженные приглашенными Иваном III псковскими мастерами: Духовская церковь Троице-Сергиева монастыря (1476 год), Благовещенский собор (1484-1489 годы) и церковь Ризположения (1485-1486 годы) в Московском Кремле. Недостаточно изучен и не имеет твердой датировки Воскресенский собор в Волоколамске. Более поздние постройки, как правило, отражают новшества, внесенные в русскую архитектуру приезжими итальянскими зодчими и поэтому с трудом могут быть использованы для восполнения утраченного звена.

В ряду доступных изучению средне-русских построек второй половины XV века собору Спасо-Каменного монастыря принадлежит второе по времени место после Духовской церкви. Оба памятника имеют между собой много общего. Сходна техника кир-

¹¹ Н.Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II. М., 1962.

¹² ПСРЛ, т. 27. М., 1962, стр. 273-274.

¹³ Там же, стр. 275

пичной кладки, хранящая явственные пережитки домонгольской плинфовой техники. Тот и другой храмы имеют пучковые лопатки с белокаменными капителями, сохраняющими профилировку, обычную для раннемосковских сооружений. Порталы их в основной схеме воспроизводят раннемосковские образцы. Фасады украшены поясами орнаментальной кладки, включающими плиты с растительным орнаментом и балясины. Абсидам придает большое сходство членение вертикальными тягами, имеющими различное завершение, но в обоих случаях не доведенными до карниза и не переходящими в аркатуру.

В связи с близостью обоих памятников следует коснуться одного вопроса, не получившего еще достаточно четкого освещения в литературе о русском зодчестве конца XV века. В свое время К.К. Романовым было высказано мнение, что собор Ферапонтова монастыря сооружен псковскими мастерами, строившими перед этим московский Благовещенский собор, и что это первое сооружение, в котором наряду с псковичами участвовали среднерусские мастера¹⁴. Приняв эту точку зрения, естественно было бы и в соборе Спасо-Каменного монастыря видеть произведение псковских зодчих, поскольку по своей архитектуре он близок и к Духовской церкви и к собору Ферапонтова монастыря, а дата его сооружения - 1481 год - «укладывается» в промежуток между строительством Духовской церкви и

Благовещенского собора. Более того, следовало бы и особенности его архитектуры объяснять, исходя из теории псковских влияний, породивших некий «промежуточный тип церкви»¹⁵.

Между тем никаких характерных черт псковского зодчества XV века в архитектуре Спасского собора нет, как нет их и в соборе Ферапонтова монастыря¹⁶. Сходство Спасского собора с Духовской церковью и с другими московскими постройками псковичей ограничивается теми чертами, которые как раз не свойственны псковскому зодчеству (за исключением повышенных подпружных арок, характерных и для Москвы, и для Пскова). Действительно, Псков вплоть до XVII века совершенно не знает кирпичного строительства, начавшегося в Москве во всяком случае в 1450 году. Столь же чужды Пскову и пучковые лопатки, завершенные у обоих памятников капителями, повторяющими раннемосковские образцы (вспомним по этому поводу пучковые тяги звенигородского Успенского собора). Мнение о том, что пояса орнаментальной кладки среднерусских построек имеют псковское происхождение, убедительно опровергнуто П. Н. Максимовым¹⁷.

¹⁵ К. К. Романов. Антиминсы XV-XVII вв. собора Рождества пр. Богородицы в Ферапонтово-Белозерском монастыре. - «Известия Комитета изучения древнерусской живописи», вып. 1. Пг., 1921, стр. 40.

¹⁶ Этот вопрос был подробнее разобран нами: см. С. С. Подъяпольский. К характеристике Кирилловского зодчества XV-XVI вв. - «Советская археология», 1966, № 2, стр. 75-95.

¹⁷ П. Н. Максимов. Церковь Дмитрия Солунского в Новгороде. - «Архитектурное наследие», № 14. М., 1962, стр. 43-46.

*Спасо-Каменный монастырь.
Главы собора и часть колокольни.
Фото начала XX века*

Для среднерусского (в особенности московского) зодчества, вопреки взглядам, господствовавшим в начале текущего столетия и разделявшимися К.К. Романовым, XIV и XV века были периодом бесспорного подъема. По сложности построения формы, тщательности прорисовки деталей такие памятники, как Успенский собор в Звенигороде или собор Андроникова монастыря, не имеют равнозначных решений в современной им архитектуре Пскова. Поэтому приглашение псковских мастеров в Москву Иваном III не могло наложить заметного отпечатка на развитие московского зод-

чества. Псковичи, как со всей очевидностью показывает архитектура сохранившихся построек, вынуждены были повторять формы и технические приемы, выработанные до них московскими мастерами. С большой придирчивостью приходится выискивать «псковизмы» в архитектуре Благовещенского собора или церкви Ризположения.

Отвергая псковские черты в архитектуре собора Спасо-Каменного монастыря, приходится отрицательно ответить и на вопрос о возможности сооружения его псковскими мастерами, хотя бы и по среднерусским образцам. Спасский собор, несмотря на отмеченное сходство с Духовской церковью и другими московскими постройками псковских зодчих, все же отличается от них рядом особенностей. Эти особенности позволяют выделить его вместе с собором Ферапонтова монастыря в отдельную группу, к которой близко стоят собор Кирилло-Белозерского монастыря и палата Угличского дворца.

Соборы Спасо-Каменного и Ферапонтова монастырей объединяет уже сама общность композиции поднятого на подклет четырехстолпного трехабсидного храма, завершенного ярусами кокошников и увенчанного двумя главами. Характерно для обоих памятников не встречающееся в Москве расположение поясов по верху четверика, под пятами закомар. Терракотовые плиты с двойным раппортом растительного орнамента известны только у этих двух соборов и у Угличской палаты. Только в Спасо-Каменном монастыре и у монастырских построек Белозерья встречается

прием помещения балясин в крестообразные впадины. У обоих соборов одинаково «утоплены» в толщу стены перспективные порталы. В обоих случаях крайние восточные лопатки на южном и северном фасадах отодвинуты от угла, а на восточной стене лопатки вообще отсутствуют.

Наконец, интересно сопоставить устройство окон барабанов рассматриваемого нами памятника и двух белозерских соборов. В соборе Спасо-Каменного монастыря, как уже говорилось, световой проем имел городчатое завершение, а наружная и внутренняя ниши были перекрыты арочками. У собора Ферапонтова монастыря световой проем и наружная впадина арочные, а «городчатый» рисунок перешел на внутреннюю оконную нишу. Наконец, барабан кирилловского собора имеет окна, наружная впадина которых увенчана «городком». Завершения световых проемов утрачены; скорее всего, они перекрывались обычной аркой.

При общем сходстве обоих памятников совпадение таких частных приемов, скорее всего, свидетельствует об индивидуальной творческой манере. Есть, видимо, все основания приписывать оба сооружения если не одному мастеру, то, во всяком случае, одному кругу мастеров или одной строительной артели. Вряд ли это были московские мастера, так как ряд специфически московских черт у северных памятников отсутствует. Так, например, ни у одного из них мы не находим столь неперемennого для московских храмов докола с профилем аттической базы.

Сообщение о доставке к строитель-

ству собора кирпичей «из Твери и Старицы городка»¹⁸ ставит вопрос о возможном участии в постройке собора тверских мастеров. Тверское зодчество XV века пока еще представляет для исследователя весьма мало изученную область. Едва ли не единственный сохранившийся памятник тверской земли, построенный до конца XV века, - церковь Рождества в селе Городня. Эта церковь, изученная пока далеко не достаточно, не обнаруживает сколько-нибудь близкого сходства со Спасским собором. Она одноглавая, сложена из известняка и не имеет декоративных поясов. Ряд деталей (например, порталы) трактован совершенно своеобразно¹⁹. Правда, первоначальная система завершения четверика неизвестна, однако сохранившиеся части памятника слишком резко разнятся своей архитектурой с собором Каменного монастыря. Собор Антониева Краснохолмского монастыря, начатый строительством в том же 1481 году, территориально должен быть отнесен не к Тверскому княжеству, а к Бежецкому Верху, принадлежавшему Москве. По своему облику он гораздо ближе к сооружениям начала XVI века, чем к постройкам предыдущего столетия²⁰.

¹⁸ А. А. З а с е ц к и й. Указ. соч., стр. 36.

¹⁹ Н. Н. В о р о н и н. Указ. соч., т. II, стр. 399-414.

²⁰ Надо заметить, что известие о доставке кирпича из Старицы представляется несколько неожиданным. Кирпичное строительство в Старице началось только в XVI веке. Вместе с тем старицкие карьеры поставляли известковый камень чуть ли не всему Верхнему Поволжью. Может быть, прав В. А. Богусевич, предположивший, что в действительности из Старицы возили не кирпич, а естественный камень-известняк.

Есть основания полагать, что мастера, строившие собор Спасо-Каменного монастыря, были связаны не с Тверью, а с Ростовом. И сам собор и все памятники, наиболее близкие к нему по архитектурным формам, строились на территории, входившей в XV веке в Ростовскую епархию. Ближайший аналог Спасского собора - собор Ферапонтова монастыря - сооружался на средства Иоасафа Оболенского, бывшего до этого ростовским епископом, а принадлежность собора Кирилло-Белозерского монастыря ростовской строительной школе бесспорно подтверждается именем строившего его Прохора Ростовца.

Во всяком случае, облик собора Спасо-Каменного монастыря лишний раз подтверждает, что строительство среднерусских земель во второй половине XV столетия испытывало на себе могучее влияние зодчества великокняжеской Москвы. Вместе с тем, несмотря на немосковское происхождение строивших его мастеров, собор правомерно рассматривать как несколько запоздалую реплику не дошедших до нас московских храмов середины XV столетия. В частности, можно предполагать, что пояса орнаментальной кладки, подобные поясам Духовской церкви и собора Ферапонтова монастыря, восходят к мотивам декоративной обработки первых московских кирпичных храмов конца княжения Василия Темного.

Отзвуки домонгольской плинфовой техники, наблюдающиеся в первых известных нам кирпичных постройках Московской Руси, позволяют, быть может, заглянуть еще дальше и

попытаться наметить преемственную связь с кирпичным строительством Владимиро-Суздальской Руси, о которой высказал недавно предположение П.Н. Максимов²¹.

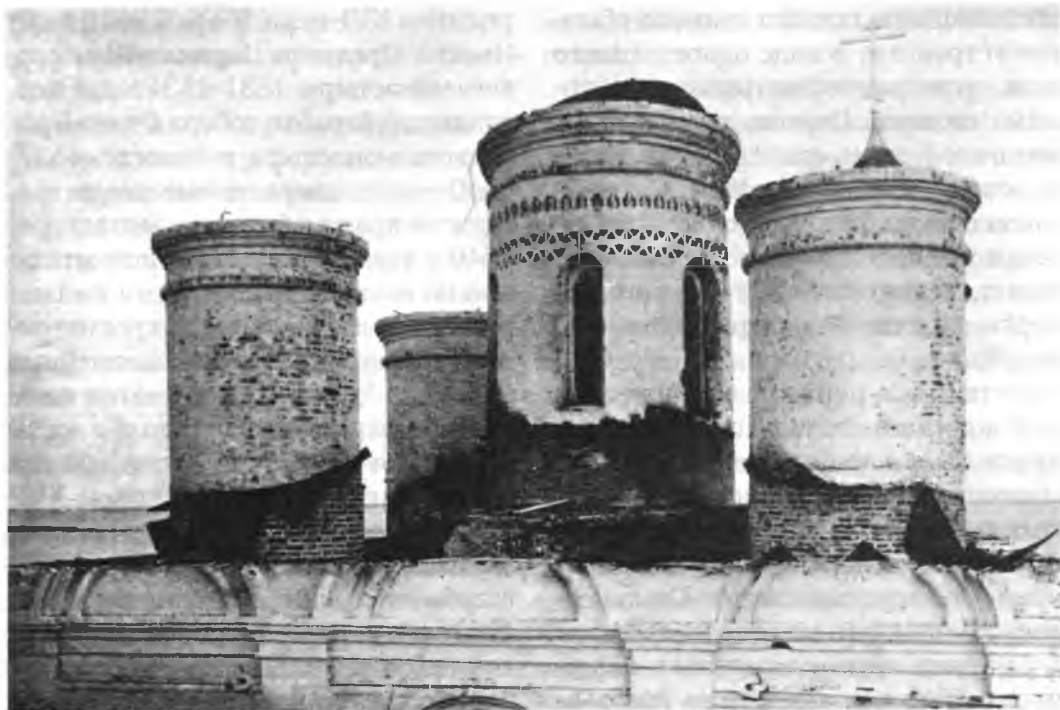
* * *

Значительный интерес для истории русского зодчества XVI века представляет другой памятник Спасо-Каменного монастыря - трапезная Успенская церковь. О постройке церкви известно, что начата она была в 1543 году: «а мастер заложил церковь Пахомей Горяинов сын Григорьев Царева ростовец. А совершенна бысть церковь в лето 7057 ... а совершил церковь мастер Григорий Борисов сын ростовец»²². Переход работ от одного мастера к другому вызван был, очевидно, перерывом в работе. О таком перерыве можно заключить по царской грамоте, посланной в Спасо-Каменный монастырь в 1545 году. Грамота свидетельствует, что деньги на строительство были отпущены Василием III, видимо, во время его поездки на богомолье по северным монастырям в 1528 году. Первоначальной суммы в 60 рублей оказалось недостаточно: «они де почали церковь с трапезой каменные делати, а свершити де им тое церкви и трапезы нечем»²³. Для окончания постройки Иван IV дал монастырю на три года, с 1545 по 1548, освобождение от ряда повинностей. Вероятно, Григорий Борисов

²¹ П.Н.Максимов. Указ. соч., стр. 44-46.

²² Л е о н и д. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч . II. М., 1878. № 658, стр. 236.

²³ Н. И. С у в о р о в. Указ. соч., стр.11.

Спасо-Каменный монастырь. Вид с запада. Фото начала XX века

был приглашен в монастырь только при возобновлении строительных работ, т. е. не раньше 1545 года²⁴. В 1930-х годах трапезная палата была разрушена, а в настоящее время существует только Успенская церковь. Обмер памятника выполнен студентами Московского архитектурного института В.С. Масленниковым, Б.Ф. Ботвинниковым, В.Л. Мартино и М.А. Шпотовым в 1938 году уже после

²⁴ В связи со сказанным следует, видимо, отказаться от высказанного Н. Н. Ворониным предположения о смерти Григория Борисова в 1545 году, основанного на тексте вставки во II Новгородской летописи, сообщающей под этим годом о «преставлении» трапезного мастера Григория. Н.Н.Воронин опирался при этом на не вполне точную датировку памятника 1543 годом (Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI-XVII вв. М.-Л., 1934, стр. 24).

сломки трапезной²⁵. Фотографии его до разрушения показывают, что трапезная подверглась сильной перестройке. Южная стена в западной части была, видимо, полностью переложена (по фасаду оставались только два старых прясла). Несколько лучше сохранилась северная стена, хотя древние формы проемов и здесь были полностью утрачены. Сопоставление старых фотографий и отпечатков сломанных стен и сводов на существующей части памятника позволяют установить, что трапезная палата была

²⁵ Обмер хранится в Музее архитектуры им. А. В. Щусева. К сожалению, авторы обмера сознательно сузили свою задачу, отказавшись от какого-либо исследования: поэтому первоначальные части здания и более поздние переделки на обмерных чертежах никак не разделены.

поставлена на подклет и имела обычное устройство в виде одностолпного зала, перекрытого четырьмя крестовыми сводами. Церковь примыкала к восточной стене трапезной, но не по ее оси, а в южной половине. С севера около церкви было еще одно, сравнительно небольшое помещение, очевидно, келарская либо входная паперть, обычные для трапезных XVI века²⁶.

Успенская церковь сооружена в виде ярусного столпа. Два ее нижних яруса имеют форму неправильного многоугольника, верхние - восьмигранные. Внутри каждого из нижних ярусов по одному помещению, перекрытому парусным сводом. Сама церковь помещалась во втором ярусе.

Снаружи яруса разделены кирпичными цоколями с довольно простым набором профилей. Яруса последовательно сужаются на величину выноса цоколя; также сужаются и угловые лопатки. Оконные проемы переделаны, однако некоторые из них по внешнему контуру не расширены, а уменьшены. Очень широкие первоначальные очертания проемов позволяют предполагать их сильное сужение к середине проема (откосы или последовательные уступчатые впадины, подобные окнам трапезной Борисоглебского монастыря). Поверху второго яруса проходит пояс узорчатой кладки, включающий кирпичную имитацию керамических баясин, встречающуюся у некоторых других памятников Вологды и Белозерья се-

редины XVI века (барабан церкви Иоанна Предтечи Кирилло-Белозерского монастыря, 1531-1534 годы; центральный барабан собора Спасо-Прилуцкого монастыря в Вологде, 1537-1542 годы; декоративные пояса трапезного храма в этом же монастыре, 1540-е годы). В довольно значительной по высоте гладкой части восьмерика над поясом хорошо просматриваются границы больших заложённых проемов. Здание увенчивается восьмигранной звонницей, столбы которой имеют обработку, типичную для столбов шатровых колоколен XVII века. Но вместо шатра над арками звона помещен ряд отступающих вглубь небольших кокошников и миниатюрный кирпичный барабан с луковичной главкой. Кирпич во всех частях здания большемерный, лишь слегка разнящийся по размеру. Гораздо более характерен раствор, в нижней части здания необычно темный, с серо-охристым оттенком, а в верхней - очень светлый, почти белый. Темный раствор встречается и у других памятников XVI столетия, в частности у трапезной Борисоглебского монастыря и у церкви Сергия Радонежского в Кирилло-Белозерском монастыре. Очевидно, цвет раствора зависит от индивидуальных свойств местной извести. Во всяком случае, по механической прочности этот раствор не уступает обычному раствору сооружений XVI века.

Различие раствора позволяет легко отличить древние части здания от всех последующих. Таким образом устанавливается, что первоначально проемы звона находились ниже, в уровне гладкой части восьмерика.

²⁶ Паперти и келарская существовали у трапезных Пафнутьево-Боровского, Кирилло-Белозерского, Ферапонтова, Спасо-Прилуцкого и других монастырей.

Арки звона и все завершение полностью разобраны при перестройке звонницы.

Нижние части церкви сохранились в целом достаточно хорошо, и основные трудности при реконструкции связаны с вопросом об устройстве верха. Чтобы правильно подойти к решению этого вопроса, необходимо совершенно четко представить себе место, занимаемое памятником в ряду известных нам сооружений.

Как уже сообщалось, строителями Успенской церкви были ростовские мастера Пахомий Горяинов и Григорий Борисов. Имя Григория Борисова связано с постройкой Благовещенской трапезной церкви в Борисоглебском монастыре (1524-1526 годы). Двадцатилетний промежуток между двумя работами мастера и различное композиционное решение не позволяют реконструировать верх звонницы на основе сопоставления двух памятников. Поэтому необходимо обратиться к известным нам фактам о деятельности ростовских зодчих во второй четверти XVI века.

Ростовские мастера вели строительство на обширной территории, входившей в состав Ростовской епархии. В 1520-х годах каменные храмы строились главным образом в монастырях, территориально близких к Ростову (Борисоглебский на Устье, Никитский и Данилов в Переславле-Залесском, Троицкий в Калязине). В 1530-х годах в пределах Ростовской епархии происходит перемещение центра тяжести каменного строительства в богатые северные монастыри. Известный толчок в этом направлении дали крупные вклады, по-

мещенные в них Василием III в 1528 году.

В 1530-1534 годах строится трапезная Ферапонтова монастыря, в 1531-1534 - церкви Гавриила и Иоанна Предтечи в Кирилло-Белозерском, в 1537-1542 - собор, а вслед за ним - трапезная в Спасо-Прилуцком. Примерно к этому времени относится, вероятно, трапезная Корнилиево-Комельского монастыря, сохранившая характерный карниз из выпущенных и поставленных на ребро кирпичей²⁷, а также казенная палата (так называемое «сушило») Ферапонтова монастыря. Таким образом, мы наблюдаем почти непрерывное каменное строительство на довольно ограниченной территории, ведущееся на протяжении по крайней мере пятнадцати лет.

Вполне допустимо предположить, что в этом строительстве принимал участие и Григорий Борисов, который оказывается в 1540-х годах в самом центре Вологодско-Белозерского края. Об одной из возможных его работ позволяет заключить дошедшее до нас в поздней редакции предание о чудесах, имевших место при постройке в 1546 году церкви Павла в Павло-Обнорском монастыре под Вологдой. Игумену Протасию во сне явился основатель монастыря преподобный Павел, запретив ему касаться своих мощей; после этого игумен призвал к себе мастера «именем Григория» и приказал заделать гроб святого²⁸. Совпадение дат, имен и территории до-

²⁷ Фотография памятника имеется в фототеке Вологодского Областного краеведческого музея.

²⁸ Н. И. Суворов. Описание Павло-Обнорского монастыря Вологодской епархии. Вологда. 1866, стр. 10.

полняется и совпадением архитектурного типа: не дошедшая до нашего времени Павловская церковь тоже была церковью «под колоколы».

Важно отметить, что детали убранства Успенской церкви находят близкие аналогии среди других памятников Белозерья и Вологды - трапезных церквей Ферапонтова монастыря и особенно Спасо-Прилуцкого монастыря, наиболее близкой к ней по времени. Стены Прилуцкой и Спасо-Каменной трапезных церквей украшают почти полностью идентичные пояса узорной кладки. Одинаково сужаются у них стены и лопатки в каждом последующем ярусе. Совпадает профилировка цоколей, отмечающих основание ярусов в обеих церквях.

В числе названных выше построек две - трапезная церковь Ферапонтова монастыря и церковь Архангела Гавриила - имели вверху звонницы. Интересно отметить, что эти памятники, сильно отличающиеся своей композицией, в устройстве проемов венчающих их звонниц имеют поразительное совпадение вплоть до мельчайших деталей. У обоих поверх арок звона поднимались яруса кокошников. Три яруса кокошников Благовещенской церкви сходились к венчающему барабану. Звонница церкви Гавриила вследствие больших размеров памятника отделена от центрального барабана и представляет собой замыкающуюся по периметру стен аркаду, также увенчанную ярусами кокошников. Одинакова и профилировка карнизов и высота от низа звонницы до карниза под аркой - 16 рядов кладки. Знаменательно, что на те же 16 ря-

дов кладки сохранились и стены звонницы Успенской церкви.

С завершениями белозерских храмов «под колоколы» перекликается и верх трапезной церкви Прилуцкого монастыря. Под увенчанным кокошниками четвериком поднимаются еще два яруса кокошников, расположенных по восьмиграннику. Несколько более ранняя Введенская трапезная церковь Кирилло-Белозерского монастыря, граненая в плане, также венчалась ярусами кокошников²⁹.

Сопоставление целого ряда памятников, близких к церкви-колокольне Спасо-Каменного монастыря, и, быть может, относящихся к творчеству одного зодчего, заставляет представить себе ее первоначальное завершение в виде кокошников, сходящихся над восьмигранной звонницей к венчающему барабану. Такая реконструкция расходится с высказанной В. А. Богусевичем точкой зрения, согласно которой звонница Успенской церкви венчалась шатром³⁰. Однако для памятника XVI века восьмигранный план звонницы отнюдь не предопределяет еще ее шатровое завершение. Вспомним, что ни одна из столпообразных звонниц конца XV - первой половины XVI века не сохранила до нашего времени шатрового верха.

Наиболее ранним шатровым храмом «под колоколы», да и вообще наиболее ранним шатровым храмом с граненым (а не крестчатым) основа-

²⁹ С. С. Подъяпольский. Указ. соч., стр. 78-79.

³⁰ В. А. Богусевич. Новый архитектурный тип в русском зодчестве 16-го и 17-го столетий. - «Сборник Бюро по делам аспирантов ГАИМК»: вып. 1. Л., 1929, стр. 95.

нием является на сегодняшний день церковь-колокольня Александровой слободы, относящаяся к 1560-м годам. Вопрос же о первоначальном завершении граненых столпов монастырей - Спасо-Евфимиева и Покровского в Суздале, Спасо-Прилуцкого в Вологде, Иосифо-Волоколамского и ряда других, несмотря на суждения о шатровом венчании этих памятников, строго говоря, продолжает оставаться открытым. С другой стороны, можно указать на ряд относящихся к XVI столетию столпообразных храмов-звонниц, увенчанных кокошниками и главой: церковь Григория в Хутынском монастыре³¹, Георгиевский храм в Коломенском, колокольня Болдина монастыря. Поэтому независимо от установления наиболее ранней границы появления каменных шатровых звонниц приведенное выше сопоставление Успенской церкви с другими современными ей памятниками Белозерья и Вологды служит достаточно убедительным основанием для предлагаемой реконструкции.

Есть и еще один аргумент в пользу первоначального завершения церкви ярусами кокошников. Эта композиция, совершенно не характерная для звонниц XVII века, вряд ли случайно появилась при перестройке верха памятника после пожара 1657 года. Очевидно, требование заказчика или желание самого мастера восстановить церковь «по старине» удержало строителей от завершения храма-колокольни столь обычным для XVII века шатром.

³¹ Н. Н. Воронин. Хутынский столп 1535 г. - «Советская археология», 1946, кн. VIII, стр. 330.

Остается сказать несколько слов об ансамбле Спасо-Каменного монастыря. В 1558 году в нем была выстроена третья каменная церковь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи, надвратная³², переставшая существовать уже в давнее время. Известно лишь, что в 1670 году она была одноглавой, с каменной папертью³³. Остальные монастырские сооружения на протяжении всего XVI века продолжали, видимо, оставаться деревянными. Лишь некоторые более поздние свидетельства позволяют нам в самых общих чертах представить необычный облик маленького монастыря, затерянного среди огромных водных просторов Кубенского озера. Составленная в 1740 году «Ведомость Спасо-Каменного монастыря» сухо сообщает: «Настоятельских и брацких и служительских двадцать келей с сеними и з засењями круг острова построены на режах деревянных же длиною на девяносте шыриною и з засењями каждая по четыре сажени троершинных»³⁴.

Можно полагать, что на маленьком острове, защищенном со всех сторон водой, прежде не находилось места для крепостных стен. Более ранний документ - опись 1670 года - умалчивает о какой-либо монастырской ограде³⁵. Это тем более вероятно, что вплоть до польско-шведской интер-

³² Н.И. Суворов. Описание Спасо-Каменного... монастыря, стр. 12.

³³ Вологодский государственный областной архив, ф. 883, е. хр. 44, л. 49.

³⁴ Вологодский государственный областной архив, ф. 496, е. хр. 1341, л. 26 об.

³⁵ Там же, ф. 883, е. хр. 44; Н. И. Суворов. Указ. соч., стр. 14-19.

Спасо-Каменный монастырь. Вид с северо-востока. Фото начала XX века

венции (а зачастую и позже) большинство северных монастырей не имело сколько-нибудь серьезного военного значения. Так, например, известно, что даже у такого крупного монастыря, как Антониев-Сийский, в 1604 году не было никакой ограды³⁶.

Лишенный крепостных стен, обнесенный сплошным рядом деревянных келий, Спасо-Каменный монастырь заставляет вспомнить об известных строках из житийной литературы, посвященных основанию одного из монастырей: «По сем же постави ке-

³⁶ «Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии». Архангельск, 1902, стр. 104.

лий четвертообразно убо окрест сея устроив келию к келий совокупле и уровнив я под один покров крепостно и стройно... Посреде же убо Лавры стояще Богоматере церковь яко некое око, всюду зряща... и отовсюду преславно всеми видимо»³⁷.

Стены келий, подымавшиеся на деревянных ряжах прямо из воды, и встающие из-за них стройные белоснежные храмы, увенчанные пышной короной кокошников, придавали монастырю сходство со сказочным градом.

³⁷ «Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого большого мужского монастыря». СПб., 1895, прим. 16.